

A photograph of a dilapidated wooden interior, possibly a historical building or a stage set. The scene features a wooden balcony with a railing, a window with a metal grate, and a doorway in the background. The walls are made of weathered wood and plaster. The lighting is dramatic, with strong shadows and highlights.

Стреляев
Сергей

"Когда Нет
Смысла
в именах"

2019

Сергей Стреляев
Когда нет смысла в именах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43436120

ISBN 9785005019011

Аннотация

Сборник прозы современной, столь нележкой жизни. Всеми видимые истории, рассмотренные с неожиданных углов ракурсов, способные кардинально поменять ваше устоявшееся мнение...

Содержание

Когда нет смысла в именах	5
Отвергнутый рай	16
Бумажная страна. Взгляд со стороны	26
Вега	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Когда нет смысла в именах

Сергей Стреляев

© Сергей Стреляев, 2019

ISBN 978-5-0050-1901-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Когда нет смысла в именах

Испутив дух, фыркнул двигатель, по телу нашего «Скифа» пробежала дрожь.

– Мама, мама. Внутренности автобуса остановились, – наивное лепетание ребенка не вызвало у пассажиров ни смеха, ни улыбок.

Люди с явным неудовольствием покидали свои места, выбирались на мороз.

– Порядочек, вон кафешка светится, – среди нас все-таки нашелся один счастливый человек.

– А тебе лишь бы «сливу залить», – ответил я, закутываясь в шарф. – Вот скажи, чего мы ждали? Нельзя было на неделю раньше уехать? Досиделись: ни на поезд, ни на самолет билетов нет.

– Оно и понятно, – прозвучавший упрек остался без внимания. – Где ж их взять тридцать первого?

Мимо прошкандыбали, уже не кисло проводившие старый год, ребята.

– А вот, зацени «вертуху».

Плетущийся навстречу, «в дым убитый» мужик, улетаая в снег, первым оценил прием рукопашного боя.

– Да, так ниче, – склонившись над барахтающимся в сугробе, одобрил парень.

...Проваливаясь в глубокий снег, я шел следом за покачи-

вающейся спиной Круглого, которого изредка называл Артемом. Злился. Мало того, что прошляпили все билеты, кроме рейсового автобуса Орел-Харьков, так еще и предстояло отмечать Новый год в придорожном кафе на окраине Курска. В праздничную ночь зима порадовала снегопадом и, как следствие, перекрытым шоссе.

Мы уже больше пяти часов находились в пути, тряслись в промерзшей железяке. Своеобразный способ покинуть город первого салюта выходил нам, если не боком, то уж ноющими пятыми точками, наверняка. Даже теплившаяся вначале надежда повидать страну, хоть как-то скрашивающая длительность путешествия, погибла. Она осталась там с двумя искалеченными кузовами машин, красующихся на выезде из Орла, около поста ГАИ. Далее потянулись леса, снега и обледенелый асфальт, по которому наш транспорт «мчался» не более 40 км/ч.

Скрипнув тормозами, к обочине подкатил еще один страдалец. Нас догнал, вышедший по тому же маршруту, только на час позже, «Икарус».

...В открывшуюся дверь с высокой подножки соскочила девушка. «Мои внутренности зашевелились». Ветерок заиграл ее легкими, как пух, волосами и, так же нежно, как и подхватил, вернул обратно на тонкие плечи, бросил ниже пояса. До меня донесся чуть уловимый аромат духов, естественно, принятый за ее собственный, исходящий от юного тела, запах. Изящное, не по погоде платье подчеркивало стройность

фигуры.

Очнулся от того, что Круглый яростно тряс мою руку.

– Ты чего, уснул? – кричал прямо в ухо, потеряв всякую надежду привести меня в чувства.

Догадавшись о причине внезапного ступора, принялся объяснять:

– Нет, Брат. Такие не для нас.

Видимо, слова прозвучали громче, чем следовало, и де-вушка обернулась в нашу сторону. Весь ее вид выражал недовольство – ответ нашим попыткам обсудить и определить, кому она подходит, а кому нет. Напоследок, уколов зелеными глазами, прошла мимо, скрылась в кафе.

Спустя час, путешественники уже всю гужевали в придорожной забегаловке. Среди изобилия спиртного достойной закуски не нашлось, да и денег на нее не хватало.

– Мы пришли пить, – сиял Артем, опрокидывая в горло очередную рюмку вонючего коньяка, заедал кусочком хлеба.

– Ты бы хоть сока купил, – невпопад поддерживая беседу, я украдкой наблюдал за устроившейся за соседним столиком незнакомкой.

– Сегодня сок из моих носок! И еще стаканчик...

Так, наращивая темп, народ продвигался по ночи вперед. С каждой минутой за нашим столом появлялись новые люди. Вскоре пришлось сдвинуть два, а после, и три стола вместе.

Не смотря на «божеские цены», к десяти часам деньги практически иссякли. Предприимчивый приятель время

от времени «трусил» православных, с кого рубчик, с кого два, в случае отказа угрожая проклянуть, выбегал на улицу и возвращался с чекушкой «зеленого змия».

– В магазинчике рядом дешевле. Пойдем, покажу.

... – Вон ту, пожалуйста, – икая, Артем заказал довольно приличной, по качеству, водки.

Протерев товар, женщина вручила уже постоянному клиенту бутылку «Перцовки».

...Кто-то неосмотрительно бахнул полный стакан сего зелья и с выпученными глазами помчался в туалет.

– Зато хоть от души, – проводил несчастного дружный хохот.

Я не реагировал. Круглый снова нашел мой взгляд, блуждающий по красивой девчонке.

– Щас сделаем.

Вскочив со стула, полетел на алкогольных парах прямо к ней. Уселся рядом, что-то ляпнул, и треск пощечины заглушил музыку.

Вспыхнув, она стремительно подошла ко мне.

– Пойдем, потанцуем!

В нескольких метрах от пирующей братии убрали столы, бармен сделал радио громче...

– Можешь положить руки на талию, – дергающиеся вокруг люди толкнули ее ко мне. – Вообще, то, что ты обнял, уже не талия. Тесно. Идем на воздух.

Накинув первую попавшуюся дубленку, выскочила на по-

рог. Оставалось пройти следом.

– А протереть! Вот, правильно! – из магазина выскочил Круглый. – На, поддержи, – сунул мне в руку очередную бутылку. – Я быстро, щас отнесу «буэ» в сияющие белизной недра, – и скрылся за зданием кафе.

Мечта стояла ко мне в пол-оборота. Я видел алые, тронутые улыбкой губы. В свете навесного фонаря они светились: и зовущие, и отталкивающе одновременно. Она казалась и ангелом, и демоном, чудилась чем-то сказочным, призрачным, нереальным, очень близкой и совсем недосягаемой.

Ветер, развивая волосы, прятал ее лицо, мешал понять скрытые мысли.

– Ну, что скажешь?

На ресницы падал снег, таял, заставляя лицо искриться.

– Не смотри мне в глаза, – приводя в ужас, откуда-то доносился мой собственный голос, решительно ничего такого я не собирался говорить.

– Не буду смотреть, – отворачиваясь, смеялась она.

– Я знаю тебя.

– Расскажи, – с девчонки, наполняя меня смелостью, слетала готовность к грубой защите.

– ...Когда пришел за тобой на наше первое свидание, схватив расческу, убежала в комнату. —

Удивленно приподнялись тонкие нити бровей. На ресницы упала снежинка. Обжигающим дыханием, ее сдуло прочь.

– Думала не придешь. Струсишь! – быстро сориентировавшись, поддержала несуществующие воспоминания.

– Тогда, в немного грубоватом, насильно смягчаемом голосе слышался толи укор, толи радость.

– Грубоватый?! Да я в тот день простудилась, – обернувшись, легонько толкнула меня в плечо, – конечно, радовалась и боялась, а вдруг не придешь.

– Я уже тогда знал всю твою нежность, ощущал таящуюся внутри силу.

– И откуда ты это знал?

– Чув-ство-вал.

– А! Ну продолжай.

– Предложил...

– Помню, помню. Сбегал в магазин и принес огромный букет цветов, подарил, стоя на одном колене. Я тогда еще спросила: «Предлагаешь встречаться?»

– Как же легко давались тебе эти слова и как много значили они для меня. Мне еще казались странными подобные вопросы, я не предлагал встречаться, я предлагал свою жизнь. А в твоем голосе появились нотки надежды, полностью испарилась настороженность. Прошептав «До завтра», просияла радостью, которую более не могла сдерживать, и скрылась за дверью.

– А помнишь, как впервые поцеловал меня?

– На этом самом месте.

Быстро уместился на одиноко стоящую лавочку. Смело

притянул девчонку на свои колени. Она не сопротивлялась. Наоборот, нежные руки обняли шею, одурманил запах духов. Она улыбалась,

– На дискотеке выпили и, когда танцевали, снимал помаду с твоих губ.

– Нет, не так. Всего лишь один раз успел поцеловать. Я отстранилась, опомнившись.

– Но вот здесь, около елки, после танцев еще выпили и оборона рухнула. Мы целовались до боли в губах. Они у тебя на утро опухли. А после даже призналась, как в тот самый вечер после нашего первого разговора видела падающую звезду и радовалась, принимая этот знак за ответ судьбы, написанный кем-то сверху.

... – Девки, вы шо писаете? – голос Артема опознавался на любом расстоянии. Пойдя по нужде, парень и за углом нашел себе компанию.

– Да! А тебе, что завидно? – ответил женский голос.

– Нет, я тоже писаю. А кто там вякает? Кому-то плохо? – под его тяжелыми шагами заскрипел снег.

– Отстань от нее, – возмутился все тот же голос.

– Помочь же хочу.

– Перестань совать ей в горло пальцы. У нее свои есть.

– Так чего же не сует?

Вторая пощечина за вечер вынудила парня отступить. Забрав у меня выпивку, он вернулся в кафе и сразу же выскочил обратно.

– Прикинь, только зашел. Мне ничего не досталось, – оставшийся без спиртного приятель, собрался в магазин.

– А, воркуете? – расплылся в довольной улыбке.

– Да ладно тебе, – смутилась девушка, стесняясь, встала с моих колен. – Еще, Артем... В общем, извини.

Она все заметнее отказывалась быть сильной: искала поддержки в моей руке и взгляде.

– Как всегда бьют за правду. Пойдемте со мною, а то око-леете.

– А что у тебя с лицом? – я, конечно, догадывался о происхождении красных точек, но все же, решил уточнить.

– Да, вообще, не понятно, откуда там елка взялась. Вроде сразу не было.

– Что, ребята? Не поняла, – переспросила уставшая продавщица.

– Конечно, не поняла, – бормотал Круглый, пытаясь пересчитать выуженную из кармана мелочь. – Ты ж по фене не ботаешь!

– Кто я не ботаю!? Еще как ботаю!

– Ну, тогда вон эту, – ткнул пальцем в чекушку сомнительного производства, зато подходящую по цене, – и можно не протирать!

Мы вернулись на лавочку. Темыч, не желая ни с кем делиться, злоупотреблял из горла прямо на пороге.

– А что у нас случилось после?

– Когда приходил, бросалась в мои объятия. Хотела,

и упрекнуть за долгое отсутствие, и обнять как можно сильнее. Радость в глазах, счастье в движениях – все говорило про искренность вспыхнувших чувств. Я крепко тебя обнимал и долго-долго целовал прямо в коридоре. Для нас казалось невозможным оторваться друг от друга. «Проходи, проходи», – наконец, пробуждаясь, увлекала за собой, приглашала и внутрь комнаты, и в середину своего сердца. Изнемогая, обнимал за талию, изгибы которой не мог размыть широкий спортивный костюм, целовал в шею. Прикрывая глаза, ты запрокидывала голову назад. И мы еще долго не двигались с места, не останавливали нежности. «Мама только завтра приедет», – соблазнительно шептали манящие губы.

Я целовал тебя, разгадывал все скрытые желания. Касаясь пальцами гладкой кожи, тоже шептал, боясь нарушить красоту момента. Моя рука нащупывала собачку на молнии олимпийки, дергала ее вниз.

«Скорей, одеваемся!» – кричала ты утром, когда раздавался стук в дверь, прикрывалась одеялом, в поисках белья обшаривала рукою пол.

– «Да где же эти носки?! – кричал уже ты. – О! Смотри!». Помнишь, как вынул из-под дивана сразу две пары? В прошлый раз забыл. А я все думала, что оно воняет, как от хорошего мужика. Как это мама не заметила!?

– А я и так хороший мужик! «Пораньше приходи!» – целовала на прощанье, уже заранее начиная скучать...

– И это все было? – возвращаясь в реальность, грустила

девушка у меня на коленях.

– Конечно, ведь я люблю тебя. Люблю, так сильно, что нельзя даже представить.

Подумать только, еще несколько недель назад назывались просто друзьями. А после, помню, признался в любви. Положил голову тебе на колени, молчали, я слушал твое сердце и признался. А ты так же просто ответила, что давно это знаешь. Но сама не призналась.

– Прости. Я это сделаю сейчас, в тысячный раз. Представь, что мы отправились в прошлое, в ту самую комнату... Люблю тебя. И, конечно, все помню. Ты такой глупый. Я же любила тебя всегда. Разве не замечал? Мучилась, не знала, как заговорить с всегда одиноким и загадочным. Видела нас ночью во снах, днем в воспоминаниях, ждала возвращения. Но тебя не было, и только холод обнимал за плечи. И твой друг получил за правду, выпалил мне в лицо, что я буду твоей.

– Держи, – выскочивший из ниоткуда приятель сунул в руку ключ, позволяющий провести ночь в ближайшей гостинице.

...На черное платье, искрясь, подкрашиваемые лунной падали русые волосы. Подведенные ресницы, темно-красная помада на тонких губах, удлиненные шпильками ножки...

– Мне на мгновение показалось, что это не ты, а если и ты, все равно не для меня.

– Это я, я и только твоя, – целуя, оставляла на моем лице

сотни красивых блесток.

Ее белье соскальзывало на пол...

Все перемешивалось: разбросанная по комнате одежда, мокрые после душа волосы, обжигающий виски, медленно тающие возле свечи конфеты, где-то бьющие полночь куранты, фейерверки за промерзшим окном. Тишина, разрываемая завыванием ветра.

Я иногда спрашиваю ту самую девчонку, происходило ли все на самом деле? И, как тогда, обнимая, жена шепчет мне «Да». И я верю в случившееся, верю в прошлое, которое только со временем удалось превратить в настоящее. И, конечно, верю приятелю, из года в год ходящему со следами елочных уколов на лице, так и не купившему себе новых часов, взамен отданным за нашу ночь в отеле. И Круглый до сих пор вспоминает выставленный ему счет за выпитый нами мини бар.

– Хоть бы пузырь вынес. Боярышником давился, – слышу я от него с завидным постоянством.

Отвергнутый рай

– Зачем он тебе нужен? Ему всего ничего!

– И что? Подумаешь, на пяток лет моложе, – отбивалась рыжеволосая от подруги.

– Давай лучше с нами, ребята ресторан заказали, сауну...

– Не, я к любимому.

– Ой! Какие слова!

– Да, люблю. Зачем ты так? Сама ведь нас познакомила! Игорек с твоим младшим братом учится?!

– Так ты все соки из меня выпила: во сне его видела, познакомь!

– Не ерничай! Честно говорю: снился! Скажешь, просто так?

– И что, в гляделки с ним играешь или в карты там...? Бросай его скорей!

Последние слова выходили за рамки пустых разговоров, на которые Ира давно привыкла отвечать смеясь, никогда не вслушиваясь, не вникая... Ведь то все были шуточки, пусть вьедливые, пусть надоевшие, но зато не требующие от нее никаких действий.

– Мое дело, – вспыхнула Ира вслед своими зелеными глазами, монолог нападавшей подошел к концу. – Хоть и в карты, хоть и в гляделки... тебе-то что? Сама скоро будешь искать помоложе..., – но последнее оказалось ни к чему, и де-

вушка замолчала. Ее внешнее спокойствие нарушали нервно подрагивающие, бегающие в поисках сигарет, пальцы, но карманов ни на облегающих джинсах, ни на такой же подчеркивающей фигуру блузке не было. Продолжая нервничать, не зная как окончить разговор, в который раз подряд взглянула на часы, на этот раз вдумалась в значение бегущих стрелок.

– Опаздываю! – вскрикнув, схватила с лавки сумочку, бросилась бежать.

– Давай, давай, несись к своему сопляку, – раздалось вслед, – сигареты забери, вон под лавку рухнули!

– Себе оставь вместе со своею злостью, – на ходу обернулась Ира.

И Надя, не желая того, увидела в беззлобной прощающей улыбке все то, в чем не могла себе признаться. Но прозрение длилось мгновение, вскоре позабылась испытываемая зависть.

«Опаздываю, опаздываю», – скороговоркою тараторила Ира, мыслями находясь уже далеко от сокращаемой, где только можно, дороги. Огромные каблуки, увеличивающие и без того немалый рост девушки, высекали искры из узких каменистых тропок, а не заманчиво цокали по окружным асфальтированным дорогам.

– Привет! – радовалась она любимому. – Прости, опоздала как всегда.

Их все еще разделяло приличное расстояние, но молчать

Ира не могла. Ей хотелось выпалить все формальности сразу и не тратить на них время, когда примет поцелуй, ощутит приятную дрожь в теле, превращающую знойный вечер в долгожданную прохладу.

– Ну, вот и я! – продолжала она кричать, обнимая Игорьку, склоняя голову к губам любимого.

– Чего ж ты на всю улицу орешь, – смущаясь не за себя, но за нее, парень немного отстранил Иру, оглядываясь по сторонам. И пусть проходим безразлично, и никто не обращал на них внимания, ему казалось все наоборот.

– Ну не злись, – снова чересчур громко отвечала Ира.... Уже во всю целуя парня, исключала повторные упреки.

Вдыхая запах ее разгоряченного пробежкой тела, зарываясь в рыжих волосах, отдающих сиренью, Игорек забывал про опоздания, прощал чрезмерную несдержанность.

– Привет, ребята! – взмахивала она рукою, блестя браслетами на запястьях, заметив его друзей, наблюдающих их встречу.

И они отвечали легкими поклонами головы, а некоторые сами того не осознавая, шептали кроткие приветствия в ответ. Пытались угадать – что она скажет Игорьку, представляли, как это слушать ее голос, предназначенный тебе одному?

Тишина входила в маленькие дворы небольшого городка, ночная прохлада оживляла природу, дышали свежестью старые каштановые аллеи. Все тихо. Не преследовали сло-

ва, не приходили разрывы объятий. Вскоре на двоих оставалось одно дыхание, влюбленные делили полумрак. Лишь изредка ночь разгоняли блики фар далеких автомобилей или случайно брызнувший свет из кухонь первых этажей. Становилось как-то неуютно, и вместе с тем Игорек успевал полюбоваться маленькими веснушками на лице девушки, ее яркими, струящимися по нежным плечам, кудрями. Сопровождаемый грюканьем кастрюль свет, застревая в листве, гас так же внезапно, как и появлялся. И тогда он ощущал упругую, прижимающуюся к нему грудь, отрывался от искрящихся губ, рассматривал теперь огненно-красные волны волос и блестящие под луною глаза.

– Как же сильно я тебя люблю, – вливался ее шепот в пение невидимых сверчков, вплетался в шелест листвы, зовущей легкий ветерок.

– Я тебя тоже, – робко отвечал Игорь, привлекая девушку к себе, пряча неудобное смущение.

Она поддавалась, целовала, отстранялась и, звонко смеясь, снова прижималась к губам любимого.

Нежданно всходило солнце.

– До завтра. Нет, до сегодня. Хорошо, что до сегодня, – не переставая смеяться, перебивала Ира саму себя, поправляла измятую блузку.

– Пойдем на праздник?

– Как скажешь. На площадь – так на площадь, в парк – так в парк, мне без разницы! Не переживай, – не в силах

уйти она возвращалась обратно, положила прозрачные ладони на крепкие плечи, – откуда у тебя деньги? Сколько есть – столько есть, а если уж совсем... , так у меня найдуться.

– Тебе обязательно напоминать о моем возрасте, о том, что ты студентка?!

– Прости, это я так... А ты заметил, я не курю?! Помнишь ты вчера... , ой! – прилаживала палец к губам, и на фоне красного лака ногтей явственнее обозначалась местами недоеденная парнем помада. – Ой! Уже позавчера! Ты просил меня бросить курить, я бросила и больше никогда...

– Значит так. Сейчас в тир, затем на площадь, – планировал Стас на правах старшего вечер за всю компанию.

– Я не пойду, – тихо нерешительно отзывался Игорек.

– Аааа... К своей конопатой побежишь?! – подковыривал Стас, и остальные охотно подхватывали.

– Ничего. Веснушки с возрастом пройдут.

– Нет, не пройдут! Забыл? Я с ней в одном классе учился! Что в пятнадцать лет конопатой была, что сейчас в двадцать. И дылда неизменная. Помню раза два на выпускном с ней танцевал, после еще воображал предложил... , а она... , в общем, дылда. К тому же страшненькая!

– А чего ж тогда танцевал? – вмешался кто-то из ребят.

Стас отреагировал свирепым взглядом, но тут же, найдясь с ответом, успокоился.

– Жалко стало, вот и танцевал. И вообще, отстань, давайте лучше о вечере поговорим. А ты дуй к своей рыжей. Втюрился по полной! Стихи еще не пишешь? Ты смотри, покраснел. Точно пишет! Влюбился!

– Ничего и не влюбился!

– Ну конечно, только к ней и бегаешь! Бегать ты у нас умеешь! Хотя ты в последнее время все умеешь! Мастер на все руки: и в футболе, и в учебе. А до нее везде профан. Иди, иди, она из тебя паиньку сделает!

«Зачем я им сказал, что она после поцелуев смеется?! Особенно Стасу, – сожалел Игорь, идя на встречу с красивой. – А может он прав, может так она издевается? А еще эти веснушки...», – истерзанный надоевшими и уже редко обходящими стороной мыслями, добрал до аллеи парка.

Иры еще не было, она продолжала дома перед зеркалом наводить свою красоту.

– О жизни пора подумать, связалась...! Будущее-то, какое? – в который раз мать нагнетала обстановку, мешала и портила настроение.

– Как ты думаешь, какие серьги лучше? – боясь опоздать, Ира вывалила разом все украшения из шкатулки на стол.

– Тьфу ты, я ей одно... Для кого наряжаешься? Кому лучше? Вон на подруг посмотри..., а ты что хуже?

– Мам, если ты не перестанешь, мы поссоримся! – бросив драгоценности, насупилась Ира.

– Да из-за кого ссориться?! Нашла тоже! Как жить-то бу-

дете?

– Проживем! Не переживай!

– Так вот знай: от меня копейки больше не получишь! Мало мне тебя содержать, так еще и дружков твоих малолетних обеспечивай!

– Как ты можешь!

– Это ты как можешь? Давай еще забеременей от него!

– А что? Захочу и забеременею!

– Тогда домой не суйся!

– Могу прямо сейчас уйти!

– Скатертью дорога! Есть захочешь, вернешься!

Громко хлопнув дверью и услышав вслед недовольное ворчание матери, Ира выскочила во двор. Пробежала мимо усаживающихся в легковушку подруг и, не замечая поедаящих ее взглядов чужих парней, помчалась на встречу с Игорем.

Розовое платье ярко вычертилось среди однообразных нарядов людей, девушка вынырнула из-за поворота и, заметив Игоря, привычно помахала ему рукой. «Все позади, главное – я с ним», – были ее последние мысли перед обычным приветствием.

– Привет, мой милый! – пронесся над гуляющей толпой звенящий, голос. – Прости, опоздала!

– Чего ты снова орешь! Сколько можно говорить...!

На этот раз Игорь не ошибся – прохожие не упускали их из виду. Но причиной внимания служили не выкрики, а по-

лупрозрачное платье, стройные загорелые ноги и разбрасываемое Ирой электричество счастья.

– ...Пойдем, посмотрим, как молодежь целуется, – приблизились к ним две женщины.

Влюбленные обернулись.

– Извините, – прошептала одна из них, подталкивая локтем вторую к бегству. – Ты видела как блестят ее глаза, а слез-то нет! – делились женщины впечатлениями, не заботясь о близости обсуждаемых.

– Вот видишь, все хорошо. Все ерунда! – целуя парня, заставила его обнять себя за талию. – Пусть смотрят, пусть завидуют! – ее смех, по-детски счастливый, поплыл над головами. Люди улыбались, становились друг к другу теплее.

Уже жалея о принятом решении появиться на людях..., «да еще и в долг влез», Игорь схватил девушку за руку, потащил в темноту парка. Ира, едва за ним поспевая, подворачивала ноги на разбросанном вокруг мусоре, выбивала каблуками частую дробь из разбитых дорожек.

– Ну чего ты? – остановившись, потеряла передавленное любимым запястье. – Я могу и на людях целоваться, мне не стыдно!

– Хватит! Сядь вон на лавку... и перестань смеяться!

Не зная, как выплеснуть гнев, Игорь крепко схватил девушку и, осознавая свое бессилие, стал жадно, больно и зло ее целовать. Его руки не знали отказа ни в чем. Все настойчивее и смелее он требовал близости.

– Ты хочешь? – все же решил спросить Игорь, ничуть не ослабляя хватки.

– Не знаю, – впервые померк ее голос.

– А у тебя было?

– Нет.... Я боюсь..., но если ты хочешь..., если так нужно, то я согласна, я на все согласна. Только будь понежнее, мне больно...

Стихали голоса, лишь редкие парочки вздыхали в потаенных местах сонного городка да сильнейшие из шумных компаний допивали остатки праздника и вина. Чуть шелестя, мелким бисером в лужи ложился дождь. Он держал ее влажную ладонь и ускорял шаг. Она не поправляла взъерошенные волосы и больше не смеялась, не шутила.

– Ты завтра придешь? – ее голос дрожал, она не хотела, но спрашивала. – Не обнимай, сначала ответь.

– Конечно, приду, – небрежно отмахнувшись, рассмеялся Игорек.

Смеялся он и на следующий вечер, рассказывая о любовном приключении друзьям. Стас ободряюще похлопывал его по плечу и поздравлял с одержанной победой.

Они оба смеялись, а остальные молчали. Скуривая одну сигарету за другой, молчал и я. Меня уже тошнило от полученной дозы никотина, но я продолжал курить и рассматривать грязную лужу у себя под ногами. Я знал, что больше не увижу приветственного взмаха ее руки, ведь теперь, пряча мокрое лицо в волосах, снявши туфли с обломанными каб-

луками, Ира шла домой и шептала тому, кто больше не пришел: «Сегодня я не опоздала».

Бумажная страна. Взгляд со стороны

«Прилетайте к нам в гости,
мы поищем, чем гордиться»

Не замечая грязи, Аня быстрыми шагами шлепала по летним лужам. Ее маленькие босоножки давно промокли насквозь, а стройные ноги покрылись капельками черной глины по самую юбку. Недавно закончился ливень, если бы не он, девушка давно была бы дома. Лишь разбушевавшаяся стихия удержала ее на несколько минут в деревенском клубе, где проходила пятничная дискотека.

Утирая тонкими руками, крупные слезы, девушка неслась, вовсе не разбирая дороги и, в конце концов, налетела на огромную кочку, плашмя упала в лужу.

– Так мне и надо, – крикнула она в пустоту и звучно зарыдала. – Дура, чего испугалась, – проносились самоосуждающие мысли в голове, – ведь уже двадцать лет, а все как маленькая. Ведь все это делают, ... даже гораздо раньше. Чего же я жду, неужто принца на белом коне? В ответ врывались совершенно противоположенные, успокаивающие мысли: ведь он не любит тебя, просто хотел воспользоваться и все. Никаких чувств, только звериное влечение испытывает он к тебе. Ему без разницы: ты или другая.

– Нет, он хороший, – боролась она со своим вторым я.

«Ты вспомни, вспомни»..., – раздавалось внутри что-то пульсирующее и уходило под самое сердце, заставляя чувствовать ноющую, щемящую боль в груди и почти не дышать. Перед глазами пронеслись события происшедшие всего лишь полчаса назад, но уже успевшие превратиться во что-то очень далекое, как будто происшедшее совсем с другим человеком и, ни в этом тысячелетии.

Паша, огромный белокурый парень с атлетическим телосложением, нежно увлекал ее за собой в потаенные уголки клуба. Благодаря толстым стенам огни дискотеки и гам молодежи слышится не так отчетливо, словно сквозь толстый слой ваты. Парень начинает ее жадно целовать. Аня, ничего не подозревая, поддается на его ласки, как и неделю назад. Ведь он ухаживает за ней больше месяца, и в этом нет ничего предвзятого. Ухажер в этот вечер хотел от нее большего, чем просто поцелуев и обычных ласк. Его рука нагло соскальзывает ниже талии. Девушка, наконец, понимает в чем дело. С силой пытается оттолкнуть его от себя. Паша гораздо сильнее. Она напрягается всем телом и ей все-таки удается отстраниться на некоторое расстояние.

– Пусти. Не хочу, – не своим, а каким-то чужим, звериным голосом кричит девушка. Паша этого не замечает или не считает нужным обращать внимания и снова, более настойчиво, пытается приблизить девушку к себе. В красных, разъяренных глазах прыгают горящие, дьявольские огоньки.

С ужасом Аня замечает, что в них нет ничего человеческого. Исчезла вся нежность, вся теплота, которую она так ценила. Осталась голая прихоть, которую вряд ли чем-то остановишь. Собравшись с последними силами, сильно бьет его ладонью по лицу. Не ожидая такого серьезного сопротивления, он на минуту опешил и выпустил девушку из объятий. Растерянность в его глазах длилась не долго, она сменяется гневом.

– Ты что ошалела, что ты себе позволяешь! – злоба сильно исказила его некогда красивое лицо. Белые зубы оскалились, словно у хищника, кожа покрылась красными пятнами. – Чего тебе еще не хватает? Месяц за тобой хожу как привязанный. Цветы, конфеты, постоянные растраты, а ты.., – на крик уже сбежалось немало танцующих в хорошем подпитии и молча наблюдали за сценой, держась немного поодаль. – Ну и убирайся в свой город, приперлась она сюда носом крутить. – Еще вчерашние друзья молчали с ехидными, злорадными улыбками не произнося ни звука. Вслед довелось выслушать столько скверны, что если бы не личное участие, Аня ни за что бы не поверила, что все это извергал он. Тот, о ком она уже давно думает по ночам, тот, из-за кого и для кого в ней начало зарождаться самое светлое чувство.

Ей и теперь казалось, что она слышит вслед насмешки пьяных парней и распутных девиц, которые сразу начали извиваться вокруг первого парня в деревне, поочередно перебивая друг друга, вставляя свои острые иглы насмешки

и упреки в ее адрес. Даже сейчас, лежа в луже, и слушая отдаленный рокот толпы, ей чудилось, что смеются именно над ней.

– Нет, ну как он мог! Знает, что завтра уезжаю. Решил оправдать свои затраты, чтоб деньги не пропали, какой цинизм. Неужели все имеет свой денежный эквивалент. Хотя, наверное, нужно было сделать то, чего он хотел. Нет, нет – после этого мне не жить. Уж лучше завтра уеду, и все будет кончено. А как он восхищался мною, какие слова говорил: и про тонкий, словно у березки, стан, и про черные как нефть, немного с завитками волосы. Про огромные карие, не знающие дна, глаза, про милые его сердцу алые губы, правильный маленький носик и звонкий, такой естественный смех. Ход ее мыслей перебил жуткий свистящий вой, раздавшийся над ближайшей посадкой. Аня рефлекторно подняла голову по направлению к звуку. Уже прояснившееся небо, мерцающее мириадами звезд, разрезала огненная дуга. Через секунду раздался оглушительный взрыв, затрещали валяющиеся деревья, гулко охая потревоженные случаем.

– Метеорит, наверное, – быстрым шагом, местами срывающимся на бег, отправилась на зарево разгорающегося пожара. Неведомое любопытство влекло ее все дальше вперед. Она уже не помнила прошедшее и с яркой настойчивостью продиралась сквозь заросли кустарника. Вскоре кровь засочилась по исцарапанным рукам и ногам, но девушка не отступалась. Наконец, ей удалось добраться до места...

Поблескивая зелеными огнями, что-то металлическое торчало во вспаханной, как огромным плугом, земле. Борозда уходила вдаль и скрывалась во тьме ночи. Вокруг валялись поваленные с корнем вырванные вековые дубы. Кое-где догорал кустарник. Аня слышала, как бьется ее испуганное сердце, но вернуться назад уже не могла. Возле того, что было похоже на кабину летательного аппарата, лежал человек без признаков жизни.

Парень с трудом и болью приподнялся на локтях, повернув голову, взглянул на девушку. Такого взгляда ей видеть не приходилось. В глубине голубых глаз читалось безграничное непонимание, разумная и, в то же время, детская наивность. Он, молча, звал ее, просил помочь. Теперь ее не пугали ни летательный аппарат, ни одеяния (точно золотая чешуя) пилота. Девушка мало, что тогда понимала, но знала одно – необходимо помочь. Не осознавая, сама любовалась им: крепкое тело, правильные черты лица, идеальный овал. Только подбородок выступал немного больше вперед, чем следовало бы. Лицо с абсолютным отсутствием морщин и складок, чуть желтее цвет кожи, чем у европейца, с оранжеватым оттенком, делали невозможным определение его истинного возраста. Он всегда должен был казаться молодым, не старше двадцати-тридцати лет. Прошло еще какое-то время в безмолвной нерешительности. Небо понемногу наполнялось шумом винтов приближающихся вертолетов – погоня. Едкий дым пробрался в легкие, заставляя проснуться

от «сна» и приступить к действиям.

Минуло несколько часов пока, Аня дотащила парня домой. Переодела в одежду своего брата, который в это время служил в армии. Наскоро попрощавшись с бабушкой, предварительно выслушав упреки – на ночь, глядя... – и все в таком роде, отправилась в свой родной город...

За время дороги «гость» не произнес и слова. Зато ему стало гораздо лучше. Он с одного взгляда понимал свою спасительницу и внимательно рассматривал все, что бы ему ни попадалось.

Несколько часов тряски, и вот старенький ржавый автобус, хлопнув выхлопными газами, скрылся за поворотом, оставив двоих безымянных среди роящихся, вечно торопящихся людей со стеклянными взглядами. Пришелец с изумлением рассматривал мимо проходящих людей и все удивлялся, как при такой огромной скорости передвижения они умудряются не столкнуться друг с другом. Словно и не люди вовсе, а механизмы со встроенными микрочипами, отвечающими за неведомые маршруты.

– Пойдем, пойдем скорей, – заторопилась девушка, – опять дождь собирается.

Ей казалось, он ее действительно понимает. Нежно улыбаясь, взяла за руку и так же аккуратно увлекла за собой. Не успели ступить на зебру, при зеленом свете для пешехо-

да, как их зацепила мимо летящая машина. Противно лязгнув тормозами, «Мерседес» съехал на обочину. Наружу вылез лысый мордорот размером со старинный шкаф. Вокруг, как всегда в этих случаях, начали собираться праздные зеваки. Помогая встать своей спутнице на ноги, парень оглядел окружающих людей. Как не старался, но ни сочувствия, ни сострадания, вообще никакого участия к произошедшему уловить не смог. Им даже ни кто не собирался помогать. Всего лишь один из способов развеять тоску да вечером обсудить за ужином (чем дальше, тем меньше остается тем для разговоров. Души пустеют день за днем), немного попричитать, – мол, совсем обнаглели эти богачи, нужно с этим что-то делать.... Вот если бы меня так... – они ошибались. Сбей их на смерть, последствия были бы те же. Человек лежал бы себе на дороге несколько часов и все брезгливо проходили бы мимо. А то сообщишь куда следует, потеряешь уйму времени: показания давай, по судам затаскают. Пусть лучше кто ни будь другой проявит милосердие.

– С вами все в порядке? – тряс ее за рукав подоспевший ДПСник.

– Нормально, – огрызнулась девушка, пытаясь привести растрепавшиеся волосы в порядок.

Подошедший амбал нагло пыхал своей раскрасневшейся от винного перегара мордой. Его пухлые чисто выбритые щеки и подбородок, который практически слился с шеей, покрылись испариной. Желтые глаза выпучивались из орбит,

словно после интенсивной пробежки. Жирные, волосатые пальцы, всецело покрытые золотыми перстнями, небрежно вертели ключи от дорого автомобиля.

– Я из-за вас колесо пробил, – раздалось как из трубы, – кто теперь оплатит ремонт? – казалось, что ему нечем занять руки, так как на его белом атласном костюме не было карманов, куда их можно спрятать, приходилось выделывать все возможные виражи у себя над головой.

– Вы проехали на красный, – заступился молодой сотрудник закона.

– И что? – с завидной неподдельностью удивился нарушитель. – Я народный депутат и спешу на работу, подумаешь светофор. Он не для меня поставлен, а из-за меня. – Протянул заранее приготовленную красную книжонку. Немного помявшись, милиционер козырнул и скрылся в неизвестном направлении, предварительно гаркнув, чтоб толпа расходилась.

– И где сказано, словно правила не для тебя? – сорвалась девушка на крик и чуть было не накинулась на обидчика с кулаками.

– Ты мне еще поговори. Радуйся, что жива осталась. И твой чахлый дружок тоже вроде оклемался. Из-за меня, да будет тебе известно, – поднял он указательный палец вверх, – кареты скорой помощи в пробках стоят, а тут... смешно говорить, – скорчил брезгливую гримасу, и лицо расплылось еще больше. – Хотя ты можешь отработать нанесенный

ущерб, – жадно сузив глаза, он потянул коротенькие ручки к Ане.

– Пошел вон!!! – заорала девушка и тут же получила пощечину. Сжалась в ожидании следующего удара, ведь рука для этого уже была занесена. Еще мгновение... каким-то образом она повисла в воздухе. На лице деспота выразился страх ежесекундно перерастающий в ужас. Он что было мочи силился сдвинуть руку с места, но она не слушалась своего хозяина. Аня, широко раскрыв глаза, смотрела на эту немую сцену. Когда же поняла в чем дело, обернулась к своему спутнику. Его взгляд блестел каким-то раскаленным металлом: без гнева, без страсти, без каких либо эмоций. Раздался истошный совсем детский крик боли. Рука толстяка начала выгибаться в противоестественную сторону. Еще немного и раздался бы хруст костей. Человека спас лишь обморок. Рухнув всей своей массой на горячий асфальт, он замолк. Не умеряя серьезности, парень перевел глаза на автомобиль. Машина моментально вспыхнула и сгорела дотла.

– Довольно, – взмолилась Аня и в сию секунду узнала уже знакомый и такой родной, нежный взгляд. Девушка стремительно потянула его в тихие переулочки большого города, подальше от вззрений любопытной, вездесущей толпы.

В воздухе запахло озоном. Первые тяжелые, еще редкие капли дождя больше подняли, чем прибили пыли. Поднялся ветер. Гулко завыл в узких проходных дворах и переулках. Люди спешно бросали все дела, снимали не досушив-

шея белее с веревок и скрывались в своих тесных квартирах. Сверкнула молния, следом донеслись потрясающие слух раскаты грома. До того, как небо прорвало водопадом, спутники успели вбежать в обшарпанный подъезд, где снимала квартиру Аня. Дверь тихонько скрипнула, пропуская внутрь своих друзей. Здесь немного пахло затхлостью покинутого жилья – около месяца помещение пустовало. Небольшая, чисто убранная комната с нехитрой мебелью служила надежным убежищем от жизненных невзгод для своей хозяйки. Только здесь она чувствовала себя в безопасности и полном спокойствии. Тут она могла поплакать, подумать обо всем, остаться наедине со своим я, собраться с мыслями и даже помечтать. Мечты имелись лишь о большой любви, которая обязательно должна прийти. Анастасия постелила своему гостю на полу, сама же устроилась на крохотном диванчике. Сон быстро одолел ее, мозг был вымучен от происшедших событий и она провалилась в темноту.

– Счетная машина, довольно примитивная, но другой нет. – Думал парень, усаживаясь за компьютер, притаившийся в углу комнаты.

Сладко потянувшись, Аня слегка приподнялась над подушками пытаясь припомнить вчерашние события. Сквозь туман небытия сознание искало нужную ниточку. Когда это было сделано, реальность проникла в мозг, жаля, словно ты-

сяча иголок.

– Доброе утро. – Улыбнулся парень, вставая из-за стола.

– Ты знаешь наш язык? – села она на постель и наугад ногой начала искать тапки где-то под диваном. Вместо ответа он продолжил: – можешь меня называть Константин. Мне нравится это имя.

– Мне столько много нужно у тебя узнать. Даже не знаю с чего начать. – Говорила она через плечо, пытаясь побыстрей застелить ложе.

– Где твой дом? Где твои... – посыпались вопросы.

– Не торопись, – жестом руки остановил ее Костя. – Я все тебе расскажу. Всеу свое время. Для начала... – дома моего отсюда не видно. Он так далеко, что даже свет от нашей звезды не может добраться до вашей планеты. Я прибыл по приглашению. Только не понимаю, почему наткнулся на агрессию. Меня сбили. В послании «Вояджера» говорилось о людских добрых намерениях и вдруг, как это по вашему? – он на секунду задумался, – ракеты...

– Не спрашивай меня о таких вещах, – опустила девушка голову. Ей, наверное, было стыдно за все шесть миллиардов человек.

– Пойдем лучше гулять. Сегодня выходной и так, кстати, чудная погода.

И вправду: от вчерашней непогоды не осталось и следа. За окном пели птицы, ярко светило солнце, его лучи весело проникали во все уголки квартиры.

День выдался прекрасным, а главное ни капельки зноя. Воздух был как никогда чист и свеж.

У парня все никак не получалось вписаться в многоликий людской поток, и он то и дело вынужден был выслушивать ругань от натывавшихся на него людей.

– Что такое турфирма? – остановился напротив яркой вывески.

– Да как тебе объяснить? – задумалась Аня. – Это люди, которые отправляют желающих отдохнуть в разные страны. На экскурсии там... делают загранпаспорта.

– А это что такое?

– Документ, разрешающий человеку путешествовать. Обычный паспорт, – она полезла в сумочку, – нужен в той стране, где живешь постоянно.

Пока Константин аккуратно шуршал листами синенькой книжечки, девушка старательно объясняла, что можно сделать с паспортом и, что сулит его отсутствие.

– Разве люди сами не способны перемещаться по своей собственной планете? – искренне поражался пришелец. Девушка только беспомощно пожимала плечами.

– Вы свободны? – смягчился Константин.

– Конечно!

– Я же иного мнения. В чем она заключается?

Аня оторопела, нервно теребя пальцами, словно они околели от мороза. Раньше ей и задумываться не приходилось над такими вещами, все само собой разумелось.

– Мы вольны в своем выборе, – еле слышно, как неуверенный студент на экзамене, боящийся ошибиться, прошептала она.

– Разве он есть, например, конкретно у тебя? – все так же спокойно рассуждал Константин. Казалось, он не замечал, что девушка совсем не владеет ситуацией, и ей бы было намного легче прервать разговор, чем продолжать эту пытку.

– Люди постоянно борются за нее, но ни разу, по настоящему так и не получили свободы. Вы всегда обмануты. Меняется только форма вашего бытия, но содержание остается, как и сто, и тысячу лет назад. Самое ужасное, что большинство это устраивает. История знает тысячу примеров. Революция 1917 года. Бедные боролись за власть с богатыми и, вроде как, даже одержали победу. Прошло немного времени и что мы имеем.... Все вернулось на круги своя – остались и нищие, и сказочно обеспеченные, и все за счет тех же бедняков. Те, кто непосильно работают, отдают все силы и время, не имеют практически ничего, остальные же владеют всем, ни в чем не нуждаются – обыкновенное дворянство. Одни пытаются жить по правилам, другим же закон не писан. Сама вчера видела. Тот, кто должен служить народу съедает его, душит ради своего блаженства. Поверь мне, как вы говорите, со стороны виднее. – Попытался он улыбнуться, но вышла лишь жалкое подобие ехидной усмешки. Слишком серьезна была тема разговора. Девушка же поправила коротенькую юбку, что было совсем не нужно.

– А войны! Это вообще нечто особенное. Как один человек или даже группа людей может решать судьбу миллионов, которых и в глаза ни разу-то не видел. Сами никогда не выходят на поле боя, прячутся в уютных бункерах. Простой народ умирает за чужие интересы, за-ради чужой наживы. Если политикам необходимо, пусть соберутся и воюют. Избирали их для решения мирных проблем. Никто не давал им права на войну. Вот лично тебе есть хоть какое-то дело до установленных кем-то когда-то границ? – Аня внимательно слушала. – Вижу, что нет, как и большинству нормальных людей на планете. Находятся, конечно, выводы нацистов и им подобные, но их всего ничего. Основной массе населения даже интереснее, когда рядом живут множество национальностей со своей культурой, со своим мировоззрением. Сколько полезного можно почерпнуть друг у друга. Каждый хочет без всякой ненужной волокиты, по-первому зову сердца поехать в любой уголок родной планеты, а не мечтать о нем, как о чем-то божественном, доступном лишь избранным. В вас есть задатки великого, светлого. Но вы, почему-то пытаетесь это все искоренить, сформировать из себя существ, подобных машинам. Нет общей цели, и этим все сказано. Вы как в темноте, шарахаетесь из одной крайности в другую, ищите выход, не видя его у себя под носом. К чему вообще стремится ваша цивилизация? Ответа нет, а значит, все ложно. Отсутствует вектор, по которому нужно прилагать силы и добиваться результатов. Ничего не объединя-

ет всех, как одну семью. Топчетесь века на одном месте – шаг вперед, затем назад, и никакого продвижения, так и погибните в противоречиях, если ничего не предпримите. Это закон вселенной: или живые существа становятся мудрее, преодолевая трудности вместе, или они гибнут. Не нужно думать, что когда придет беда, вы объединитесь для ее разрешения. Начинать нужно с мелочей, в последний момент ничего не успеть.

– Слова, слова. Не будем философствовать. Пойдем лучше в парк, в это время он очень красив. – Остановила девушка разгорячившегося спутника.

И вправду Константину здесь понравилось. Ни шума, ни копоты автомобилей. Хоть где-то сохранилось то, что должно быть везде. Только тишина и зеленые деревья, да еще редкое щебетание птиц. Присев на одну из скамеек, Аня аккуратно, почти с трепетом, взяла его за руку.

– Я о тебе ничего не знаю? – тихо, не смотря в глаза, начала она. Ей хотелось сказать, узнать самое главное, но она не находила в себе сил и смелости сделать это. – Есть ли у тебя работа? Кто ты? Семья? – после последнего слова торопливо добавила, чтобы не выдать себя – Друзья?

– В твоём понимании ничего такого нет. Мы другие. – То ли жалость, то ли сожаление звучало в его голосе. Главного вопроса он, кажется, не заметил или делал вид, что не заметил.

Повисла тишина. Это было не то тягостное молчание, ко-

торое возникает между двумя малознакомыми людьми, и им приходится болтать о всякой ерунде, неважно, о чем лишь бы не было этой страной стеснительности. Им просто было хорошо вдвоем. Каждому наедине со своими мыслями. Никто не испытывал неловкости, словно их знакомство длилось уже не один десяток лет.

– Кем ты работаешь? – вдруг почему-то спросил парень.

– Не важно. – Отмахнулась она. – Мне моя работа совсем не нравится. Если бы я на ней не самообразовывалась, не читала книг, не занималась, хоть чем-то полезным, наверное, с ума бы сошла от понимания безнадежности, бесполезности потраченного времени.

– Смени ее.

– Хм, – усмехнулась девушка его наивности, – все не так просто. Сначала необходимо диплом получить. Пыталась учиться, только денег не хватило. У меня из родни одна бабушка осталась, – на ее лице появилась теплая, немного грустная улыбка, – пенсия и до прожиточного минимума не дотягивает. Правительство обещало повысить, а все одно копейки выйдут, цены гораздо быстрее вверх ползут. Ей помогать нужно.

Естественно пришлось объяснять, что такое прожиточный минимум, пенсия и еще множество попутных вопросов.

Выслушав и глубоко задумавшись, Константин решил уточнить некоторые моменты:

– Получается, это расчетные средства, необходимые че-

ловеку на месяц для элементарного выживания, так сказать, чтоб с голоду не погибнуть?

Аня, молча, кивала и покрывалась мелкой дрожью, предчувствуя новую волну негодования.

– Сейчас она получает меньше денег. Пока все правильно? – получив утвердительный ответ, продолжил. – Государство само назначает этот минимум, дает человеку еще меньше, значит, заведомо обрекает его на смерть?

Ей нечего было сказать.

– Я тебе в сотый раз говорю, я очень маленький, ничего не значащий человек, не спрашивай...

– Так не бывает. Маленьких людей нет. Бывают низкие существа, и это те, кто давят на вас, заставляя считать себя никем, чувствовать ничтожеством. Они забирают у вас самое главное – осознание своей значимости, а значит, убивают волю к жизни, стремление к великим свершениям. Заставляют жить не так, как вам хочется, а как им нужно... А на кого ты училась? – переменял он тему разговора. От его высказываний Аня совсем повесила голову и вся ссутулилась.

– На химика, – оживилась она. – Мне это очень по душе. Часами могу говорить об этой науке. – Потому, как светились ее глаза, можно было сделать вывод, что это действительно могло стать делом всей ее жизни.

– Давай я тебя всему научу, работай кем хочешь?

– Моих знаний в этой области более чем достаточно. Диплом нужен, деньги..., – снова расстроилась девушка.

– Если ты все знаешь и умеешь, а у тебя всего лишь нет какой-то бумажки, ты и работать не можешь?

– Не бумажки, а пластика, – оставалось только смеяться с таких нелепостей, так они легче переносятся. Как объяснить чистейшему младенцу, что такое предательство, ложь, выгода? – Чего ты добиваешься?

– Пытаюсь вас понять.

– Ну и как успехи? – Ироническая усмешка чуть коснулась ее губ.

Константин лишь отрицательно покачал головой и немного погодя добавил:

– Вы и сами себя не понимаете, вижу, и понять ничего не стремитесь. Каждый выдумывает тесные мирки, где только ему хорошо, совсем не пытаетесь сделать уютным общий дом, то, что происходит за вашим окном вас уже не касается. Жизнь заключается в нескольких квадратных метрах ваших квартир и заканчивается за их дверьми. Все, что в не ее, враждебно, уничтожающе кошмарно. Пока мы с тобой гуляли, удосужился прочесть несколько мыслей мимо шагающих людей. Один из них думал о предстоящем техосмотре своего транспортного средства. Цитирую: «как же все усложнили: месяц, если не больше придется простоять в очередях, пока все закончится. Лучше дам денег и документы, через десять минут все будет готово». – Вот и объясни мне, пожалуйста, зачем нужна эта служба? Чтоб взятки брать? Машина-то поедет в любом случае, даже без проверки. Можно

ее просто упразднить. От этого больше аварий не будет. Думаящие люди сами на неисправном автомобиле не поедут, а дураки так и так заплатят и попадут или в аварию, или в другую скверную историю. Другой подсчитывал свою выгоду от обмана рабочих, что-то там с зарплатой, большинство же не знало, чем накормить семью. «Где еще подработать? И так уже на двух работах, ... а денег все равно не хватает». Самое время поставить вопрос: разумны ли вы? Люди ли вы вообще? То, что вы на изобретали всякой всячины не делает вас высшими существами, как вы сами считаете. Что делает человека таковым? Доброта, сострадание, помощь ближнему? Где же ваша молодая цивилизация успела это все растерять, не успев толком приобрести? Даже животные чувствуют свою вину острее вас. Готовы покорно принять заслуженное наказание, пусть и от более слабого. Люди же, зная свою вину, приложат все усилия, чтобы не понести наказание, даже себя убедят в собственной невинности. Хотя задумано ваше общество неплохо. Только все, что предписано не имеет силы. Если бы выполнялось все как должно, было бы сносно для большинства. Только не ясно если: механизм не работает, его нужно отменить, выбросить или починить, а люди довольствуются разрушенной системой, конца которой не видно.

– Наверное, ты прав. Я тоже боюсь этого мира. Боюсь всего: показаться глупой, смешной, выразить свои мысли на людях. Вдруг кто-то их осудит, высмеет. Мне этого не пере-

жить. Мечтаю.., ты даже не поверишь о чем я мечтаю, – развела она руками, – о старости. Хочу быстрее выйти на пенсию и спрятаться от всего мира. Понимаю, что желаю себе смерти, но ничего не могу с собой поделать. Это ужасно, знаю. Готова пожертвовать своими лучшими годами жизни. Но и мои знакомые влачат такое же жалкое существование, если не сказать, чахлое прозябание. И думают так же, просто вслух об этом не принято говорить. Им приходится набивать дни всякой всячиной лишь бы куда-то деть время и придать осмысленность своему бытию. Для них жизнь обуза, невидимое ярмо. Одни занимаются коллекционированием, другие игрой в карты, третьи еще какой-нибудь ерундой, имеющее все поглощающее значение для их жизни. Многие находят утешение в детях. Ты не подумай, ничего против детей не имею – это прекрасно. Плохо то, что большинство заводят их для упрощения своей жизни. В какой-то степени – это слабость или эгоизм, не знаю. Сами в свое время добиться ничего не смогли, опустили руки, завели семью. Появилась лишняя отговорка, оправдание: не до великих свершений, карапузов кормить надо. Вот я их воспитаю, а они пусть совершают чудеса. Проще всего бездумно, уперто как баран, механически выполнять какие-то обязанности, выматываться физически до потери сознания. Гораздо труднее пытаться менять себя и общество. То, что нам не под силу, а в большинстве случаев просто лень, мы перелаживаем на плечи своих потомков, они в свою очередь на своих... Я даже не бо-

уюсь смерти. При необходимости легко пойду на нее не мешкая, ни секунды. Зато до паники, до дикого ужаса трепещу перед представителями власти в любом их проявлении: чиновники, милиция, просто начальство на работе. Все они имеют на меня невероятное, гипнотическое влияние. Когда они кричат, угрожают, я не в силах что-то возразить, теряю дар речи. Зато потом горю гневом. Выстраиваю огромные предложения, фразы, которые нужно сказать в ответ и знаю, что никогда не смогу их произнести вслух. Следующая ссора, если ее так можно назвать, закончится как всегда молчаливым согласием.

– Ты не справедлива к себе. Желаешь тихой, спокойно яркой жизни. И все это сейчас тебе недоступно. По какой-то причине, думаешь в старости все задуманное придет. Может и так. Смотря чего хотеть. Твоя неинтересная, бессмысленная работа раздражает тебя, выматывает как каторга. Таких как ты миллионы и вы растрачиваете лучшие годы, огромные силы на абсолютное ничто. Начиная от вооружений, заканчивая любыми мелкими учреждениями, которые строят свое существование на куче бумаг. Их так много, что единой системы управления нет нигде. Все так далеко зашло, что уже никто не знает как должно быть, как правильно. Тратите драгоценное время, простаивая в очередях к чиновникам ради какой-то бумажки, подписи, печати. Сколько в этом занято народу? Зачем? Если ваш мир сугубо материален, что тоже не лучший вариант,.. они ведь ничего не производят,

и другим приходится работать за себя и за кого-то еще. Платите кучу налогов. Честно заработанные тружениками деньги улетучиваются в неизвестных направлениях.

С ранних лет и до самой смерти вы живете только в за-претах, каких-то нелепых правилах, рамках, которые не облегчают, а усложняют существования. Но поверь мне, ваше строение общества – не догма, бывает иначе. Людей из года в год заставляют... сразу учиться, не тому, чему хотелось бы, а тому, чему кто-то решил вас научить. Кому-то, кого вы даже не знаете, виднее, чему вас учить, а чему не стоит. Затем работа за гроши. Это очень выгодно, зарабатывать на чьем-то труде миллионы, чтобы не жить в воздвигнутых для большинства рамках. Ваши великие вершители судеб, как вши на теле – отъедаются пока не лопнут, но до этого момента не одну душу утянут за собой в пропасть. Потому и мечтаете о старости, о смерти, ведь трудно осознавать всю бессмысленность такого существования. Ежели случается чудо, виднеется свет в конце тоннеля, с воодушевлением берешься за работу, планируешь, жертвуешь всем, но когда доходит до оформления документов, начинаются подводные скалы, которые зачастую разбивают корабль мечты и ты тонешь из-за нехватки подписи, денег на взятку и другой мелочи, без которой прекрасно можно обойтись. Оправдываетесь, мол по-другому нельзя, или кричите, покажите нам как и мы сделаем. Реально не ищите ни компромиссов, не хотите видеть – уже показывали, как и не раз. Когда случиться увидеть –

следующая отговорка: не умеем. И так до бесконечности. Но верь, так не будет всегда. Люди очнуться от сна. Наступит время страшной переоценки ценностей и жизни вообще. Не может горстка людей владеть планетой, и уж тем более им не подвластны умы миллионов. Будет час, и все люди в одно мгновение поймут свою значимость. В мгновение ока исчезнут бедные и богатые, рабы и господа, порок и преступления. Осознание единства вселенной исключат убийства и воровство. Ведь глупо воровать у себя самого.

– Аня, – его голос стал ласков как пение птиц вокруг, – мне нужно кое-что тебе сказать.

В его глазах и так было все сказано, но девушка как никогда хотела ошибиться.

«Так не должно быть, – твердило сердце, – я его ждала всю жизнь».

– Мне пора улетать, – прозвучало как гром.

Константин говорил еще долго, но она его уже не слышала. Ей стало жаль себя, жаль своей судьбы, которая снова ее обманула, оставив наедине с болью. Выпустила надежду и, не дав насладиться, забрала обратно.

– Ты не обижайся, скажу еще кое-что. В своем мире ты обречена, быть несчастной. Твоя чистота здесь – порок. Хорошие люди у вас никому не нужны, они изгой. Есть, конечно, выбор: или превратиться в зомби, слившись с остальными, или в одиночку сражаться с тем, что не суждено победить. Во всяком случае, ты не сможешь, система тебя сло-

мает. И в то же время кто-то должен начать драться, добровольно пожертвовать своей жизнью во благо, стать белой вороной. Обречь себя на лишения и обиды, такова участь мучеников. Но так или иначе, выбор всегда остается за тобой.

– Когда тебе уходить? – пыталась скрыть она тоску, его слова Аню сейчас вообще не волновали. Перед глазами уже стоял завтрашний день без него. День, как и тысячи других, похожие один на другой как единоутробные близнецы. В них нет ни радости, ни счастья лишь презренное одиночество, тянущее вниз.

– Уже скоро.

– Прогуляемся в последний раз.

Он с готовностью поднялся с лавки и подставил ей свою руку.

Шли медленно. Ни о чем не разговаривали, да и о чем теперь им было говорить – двое такие близкие и такие далекие. При расставании навек любые слова звучат глупо и не нужно, лишь заглушая обостренные до предела чувства, затуманивая сердце разумом. Так, сами того не замечая, подошли к концу парка. Зелень плавно переходила в городскую поликлинику. Это новое здание со своими сияющими стеклами и блестящей крышей не совсем гармонировало с окружающими липами и каштанами.

– Мне нужно зайти, – кивнула она на поликлинику, – подождешь?

– Подожду, – как-то растеряно ответил парень и отстра-

нился в тень деревьев.

На самом деле, срочности в визите к врачу не было. Просто Ане нужно было перевести дыхание, побыть наедине, а то еще немного и она бы разрыдалась.

Ветром ворвалась в коридор, пропахший лекарствами и людскими страданиями, машинально свернула за угол и очутилась возле двери с зеленой табличкой. «Кабинет №10 Юров Андрей Александрович – семейный врач» – значилось на ней.

Людей было порядочно. Спросив край, девушка уселась на жесткий табурет и принялась рассматривать потолок. Ей не хотелось выходить наружу, она оттягивала расставание и не знала, как это сделать. В голове бились различные варианты отсрочки неминуемого события. Но все было не то. Из ступора вывела потревоженная чем-то очередь больных.

– Тут все с температурой и, тем не менее, не лезут без очереди. Ждите как все!

Подошедшие позже всех пациенты не желали ждать. По их общению было ясно – отец и сын. Да они и похожи были. Оба маленькие, пухленькие. Солидно одетые. Только у отца в отличие от сына, была небольшая залысина на голове. Парень же обладал величавой белокурой шевелюрой. Постоянно переговариваясь с кем-то по мобильным телефонам, с важной, распущенной походкой поочередно отходили от кабинета на несколько шагов. Впрочем, это не затрудняло, при желании, слушать, о чем идет речь.

– Нет, еще в больнице. Сейчас скупимся и приедем...
Что? Уже все собрались, скоро будем. Накрывайте.

– Стас, – подозвал сына поближе, когда тот тоже положил трубку, – очередь большая... Ну да ничего.

Набрал номер и коротко перекинулся с кем-то парочкою фраз. Сразу из кабинета раздался голос врача,

– Фабрикин, следующий заходит. – Уперев глаза в пол люди молчали.

С видом победителя, в порыве превосходства и брезгливости к окружающим, юнец зашел в распахнувшуюся дверь но, гордясь, забыл прикрыть ее за собой.

– В общем, больничный я тебе выписал. Пусть у меня побудет, хоть это и не положено. Через десять дней придешь заберешь... Все печати я поставлю...

Аня все так же незамечено покинула здание, как и вошла в него. Было далеко за полдень и коридоры давно опустели. Ее собственные шаги мягко и противно раздавались где-то в области затылка.

– Везде же такое происходит. Неужели и вправду этого не замечала. И другие не хотят видеть. Легче закрывать глаза и считать, что все так и должно быть. Повсюду маленькая злость, вранье, жестокость и другие пороки, суммируясь, приводят к всеобщему страданию.

Константина нигде не было. На стволе липы, под которой он стоял, маячил белый листок бумаги. Аня дрожащими руками сорвала его со шпильки и поднесла к лицу. Крупные

слезы, больно обжигают щеки, застлали глаза, мешая читать. Смахнула их рукой. Сквозь белую пелену начали проступать строки.

– Прости, я не умею прощаться. Тебе так легче. Как бы ты не уговаривала, я не вправе остаться. Люблю тебя всем сердцем. Твой Константин.

Больше Аня не сдерживала слез. Громко всхлипывая, ни на кого, не обращая внимания, брела обратно по парку.

– Твой Константин, – бесконечно повторяла она, и слезы с новой силой срывались с длинных ресниц.

В небе что-то гроыхнуло.

– Я не сдамся, не превращусь. Я буду бороться. Слышишь ли ты меня, – закричала она что было мочи, подняв голову к темнеющим небесам.

Полил дождь. Запахло озоном.

Вега

Ночные огни большого города всегда можно назвать величественными, но таковыми они являются не для всех. Только на человека не привычного, приезжего они способны произвести некое восторженное впечатление, которое быстро померкнет, если оставаться достаточно долго в сетях Мегалополиса. Но самое интересное то, что человек способен привыкать к тому, о чем совсем ещё недавно думал как о сказке, детской забаве, о чем-то совершенно нереальном, порою даже глупом. И какова эта сказка, хорошая или плохая, тут уж решает каждый сам для себя, начиная превращать ее в явь. Когда она перестает быть только словами, расплывчатым сюжетом, показанным в забытой телепередаче, мы уже ничем не управляем. Вскоре не остаётся в ней загадки: все становится беспредельно просто и ясно, доступное даже ребёнку. И внезапно настает момент, когда ты сам для себя обнаруживаешь, что дорожишь и постоянно думаешь о тех ценностях, которые насильно, под общим жужжанием коллективного разума, планомерно шаг за шагом втискивали в твою голову. Но как это происходит – невозможно заметить, нет жесткого применения силы или грубой навязчивости. Нет, ничего этого нет. Просто сами люди, идущие тебе на встречу по бесконечно шумным тротуарам, всем своим видом выражают холодную тайну, они словно манят тебя войти в их без-

ликие ряды, стать одним из них и, нацепив такую же маску морозной важности, бежать вперед, постоянно опаздывая и, все равно, никуда не успевая. Хотя каждый из них знает, что и спешить ему особо некуда, да и незачем. И вот, когда ты становишься одним из них, когда у тебя вместо души остается осознанная пустота и невозможность вернуть прежнего состояния, вернуть самого себя, тогда-то и понимаешь все коварство, с которым тебя обманули. Рассерженный на такое кощунство, с остервенением натягиваешь на себя так мило протянутый тебе облик. И, конечно, бежишь по тротуарам рядом с остальными, зазывая все новых и новых, встречающихся на пути ягнят в пасть хищному зверю, тем самым увеличивая число и так немалых жертв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.